

ЛЮДМИЛА КАРПОВА (Тарту)

БЕСЕРМЯНО-УДМУРТСКОЕ ВЗАИМОВЛИЯНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СРЕДНЕЧЕПЕЦКОГО РЕГИОНА)

Среднечепецкий регион (бассейн среднего течения реки Чепцы) находится на северо-западе Удмуртской Республики и представляет довольно пеструю картину: на его территории наряду с удмуртами живут русские, бесермяне, татары. Вследствие продолжительного контакта этих народов происходило и взаимодействие их языков.

Статья посвящена некоторым процессам взаимовлияния бесермянского и удмуртского языков. Объектом исследований автора в течение многих лет были говоры удмуртов, проживающих в среднечепецком ареале, поэтому в данной работе взаимовлияние указанных языков рассматривается прежде всего на базе материалов по среднечепецкому севернудмуртскому диалекту. Материал по языку бесермян заимствован, главным образом, из книги Т. И. Тепляшиной (1970б).

Язык среднечепецких удмуртов имеет специфические черты, отличающие его от других удмуртских говоров. Развитие ряда характерных черт в определенной степени связано с влиянием языка бесермян — одной из этнографических групп удмуртов, происхождение которых до настоящего времени в историко-этнографической и лингвистической литературе дискутируется. Многие исследователи придерживаются гипотезы тюркского происхождения бесермян и считают их обудмуртившимися тюрками, состоящими в близких родственных отношениях с предками современных чувашей (Спицын 1888 : 230; Луппов 1931 : 118; Белицер 1951 : 106; Тепляшина 1970б : 243; 1975 : 567 и др.). Другие относят их к удмуртам, испытавшим в прошлом сильное влияние со стороны каких-то тюркоязычных народов (Корепанов 1931 : 106; Владыкин 1970 : 42—43; Кельмаков 1985 : 120; 1987 : 114—115; 1993 : 10—12; Атаманов, Владыкин 1993 : 31).

В системе удмуртских диалектов языку бесермян отведено особое место. В последнее время в иерархии единиц диалектного членения удмуртского языка его принято рассматривать в качестве одного из наречий. Язык бесермян к настоящему времени является наиболее изученным в удмуртской диалектологии, но тем не менее продолжает оставаться объектом споров, в частности, по вопросам о происхождении фонетических особенностей, составляющих специфику бесермянского наречия, и о статусе его в системе удмуртских диалектов (см. Тепляшина 1970б; 1975 : 562—567; Кельмаков 1985 : 114—122; 1987 : 113—115; 1992а : 33—107). Своеобразие бесермянского диа-

лекта заключается в сочетании в его фонетическом строе, грамматической системе и лексическом составе явлений как северного, так и южного наречий. Не вдаваясь в дискуссию относительно происхождения бесермян и их языка, в данной статье рассмотрим некоторые факты взаимовлияния языков бесермян и среднечепецких удмуртов.

1. Из фонетических особенностей среднечепецкого диалекта, в определенной степени обусловленных влиянием бесермянского языка, можно отметить следующие: 1) переход *ǐ* в *ǐ̃*, 2) озвончение; 3) палатализация.

1.1. В говорах среднечепецких удмуртов фонема *ǐ* реализуется в трех произносительных вариантах: *ǐ*, *ǐ̃*, *ị̌*. В юкаменском и ярском говорах, как правило, выступает лишь один из вариантов (*ǐ̃* или *ị̌* соответственно): юк. *šundǐ̃*, яр. *šundị̌* 'солнце', юк. *šunǐ̃t*, яр. *šunị̌t* 'теплый; тепло', юк. *žužǐ̃t*, яр. *žužị̌t* 'высокий; высоко'. В отличие от этих двух говоров, в глазовском встречаются позиционно все три варианта фонемы *ǐ*: *sukmǐ̃ni* 'угореть', *šušǐ̃* 'снегирь', *nǐ̃l-pu* 'пихта', *vǐ̃z* 'мост'. Вариант *ǐ̃* отмечен и в других удмуртских диалектах, в частности, в кукоморском (Кельмаков 1970 : 8; 1974a : 101—106), красноуфимском (Насибуллин 1978 : 92) периферийно-южных говорах, отдельных собственно южных диалектах (Кельмаков 1977 : 27; Атаманов 1981 : 46, 47). Вариант *ị̌* встречается в бавлинском (Тараканов 1958 : 101—108), шошминском (Тепляшина 1961 : 129) периферийно-южных говорах, в говорах отдельных населенных пунктов Граховского, Аланашского и Киясовского районов, относящихся к южному наречию (Кельмаков 1977 : 27—28; 1992b : 159; Загуляева 1981 : 126; Атаманов 1981 : 46, 47).

Причина перехода *ǐ* в *ǐ̃* в удмуртских диалектах традиционно объясняется влиянием тюркских языков (Лыткин 1968 : 93; Кельмаков 1974b : 54—55; 1975a : 548; 1975b : 102—103). Однако в работах более позднего времени В. К. Кельмаков (1978a : 35—36; 1993 : 19—20) склоняется к мысли, что данное явление могло произойти и под воздействием внутреннего фактора — стремления к усилению фонетической контрастности между огубленными и неогубленными гласными верхнего и среднего подъема среднего ряда (*u/*ǐ, *o/**ị̌*) посредством включения признака ряда вследствие слабой оппозиции по признаку огубленности / неогубленности этих гласных. В отношении гласного *ǐ*, продолжает исследователь, это выражается в возникновении у него заднерядного варианта *ǐ̃*. С этой позиции тюркское влияние представляется лишь дополнительным фактором (Кельмаков 1993 : 20).

В среднечепецком диалекте в развитии *ǐ* в *ǐ̃* сопутствующим фактором, на наш взгляд, оказалось влияние языка бесермян, поскольку заднерядный вариант чаще всего наблюдается в тех говорах, носители которых издавна живут в соседстве с бесермянами. В языке последних фонема *ǐ* выступает в единственном варианте — *ǐ̃*. Заметим, что в соседних причепецких говорах — верхнечепецких и нижнечепецких — носители которых меньше соприкасаются с бесермянским населением, такое явление не наблюдается.

1.2. В говорах среднечепецкого диалекта, особенно в юкаменском, встречаются отдельные случаи озвончения этимологических глухих согласных конца слова перед губно-зубным *v*: *daz vit'* (лит. *das vit̃*) 'пятнадцать', *lǐzṽu* (лит. *lysṽu*) 'роса', *troz val* (лит. *tr̃os val*) 'много было', *žeg vǐlam* (лит. *ž̃ok vylam*) 'на (моем) столе' и др. Примеры: ВУн. *tañ čukna l ǐ z v u ǐañ ke, kǐaž čeber luono* 'вот если утром роса есть, [тогда] погода хорошая будет'; Кож. *šetjaja-mǐ adamijes t r o z v a l, mi pinal'los ne tamǐs kužda val* 'наша семья большая была (в нашей семье людей много было), нас детей только в семье восемь человек было'. Это явление в севернудмуртских говорах в

свое время заметил еще В. М. Вахрушев (1959 : 233). Как показывают исследования последних лет, на территории распространения северного наречия данный процесс, помимо среднечепецкого диалекта, наблюдается в нижнечепецких говорах (Тепляшина 1970а : 162), но в верхнечепецких не отмечается (Алашеева 1990 : 10). Озвончение глухих согласных перед *v* характерно также для бесермянского наречия (Тепляшина 1970б : 151—153).

В единичных случаях в исследуемом диалекте встречается озвончение глухих согласных в интервокальном положении и в соседстве с сонорными: *taga* (лит. *така*) 'баран', *piñ dolganâ* (лит. *пинь долканы*) 'набить оскомину', Бач., Куз., Пыш. *grečuga* (< рус. *гречиха*) 'гречиха'. Примеры: ВУн. *šizâl potinkaje mi vandom ni t a g a* 'к осенним поминкам (осенние поминки) мы заколем уже барана'; НЕл. *mušjos čecâ žec šetto g r e č u g a vâlâs* 'пчелы мед хорошо собирают с гречихи'.

Указанное явление имеет место и в языке бесермян (Тепляшина 1970б : 153—154), в бавлинском (Тараканов 1960 : 139), кукморском (Кельмаков 1969 : 154—155) и закамских говорах (Насибуллин 1972 : 66—67). Указывая на наличие аналогичной соноризации глухих согласных в татарском, башкирском и чувашском языках, Т. И. Тепляшина (1970б : 155) возводит явление озвончения в языке бесермян к древнебулгарскому субстрату. Несколько другого мнения, которое представляется более обоснованным, придерживается В. К. Кельмаков, считая, что в свете данных периферийно-южных диалектов рассматриваемое фонетическое явление в языке бесермян, как и в бавлинском, кукморском диалектах и закамских говорах, следует расценить как результат позднего самостоятельного развития под влиянием соответствующих диалектов татарского языка (1985 : 117—118).

В северноудмуртских говорах источником для развития явлений соноризации, по справедливому замечанию Т. И. Тепляшиной, могло послужить влияние бесермянского языка (1970б : 153). Данные по среднечепецкому диалекту подтверждают это предположение: озвончение этимологических глухих согласных перед *v* более последовательно в тех говорах, носители которых живут в ареале более плотного расселения бесермян.

1.3. Особенностью среднечепецкого диалекта является палатализация согласного *t* перед переднерядным гласным *i*. Это явление наиболее последовательно происходит в показателе пролатива: *ul'ca(â)t'i* (лит. *ульчаеtü*) 'по улице', *šures(â)t'i* (лит. *сюрестü*) 'по дороге', *korka(â)t'i* (лит. *кор-каеtü*) 'по дому'. Примеры: Зол. *l u d j t' i vešak mjn ok kjk kilome-tra, sobere vuod ni Potajage* 'по полю иди напрямик около двух километров, потом дойдешь до [деревни] Помяг'; Ук. *ogñam č a č č a t' i pir vetliško mon* 'одна в лесу все время хожу я'.

Смягчение согласного *t* под влиянием следующего гласного *i* наблюдается и в суффиксе порядковых числительных *-et'i*, а также в некоторых наречиях и наречных словах на *-t'i*: *vit'e-t'i* (лит. *витетü*) 'пятый', *dase-t'i* (лит. *дасетü*) 'десятый', *ot'i* (лит. *отü*) 'там, по тому месту'. Примеры: Тук. *k ä k - t e - t' i arze mon peñziñ* 'второй год я на пенсии'; Оз. *jultošed t a t' i vet-liz ni val, tone juasa* 'твоя подруга сюда приходила (букв. ходила) уже, тебя спрашивая'.

Подобное смягчение *t* в указанных позициях отмечается в соседних нижнечепецких говорах (Тепляшина 1970а : 162—163), но не встречается, по данным А. А. Алашеевой (1990 : 9), в верхнечепецких. Смягчение согласных под влиянием соседних гласных переднего ряда *i, e* носит почти универсальный характер в бесермянском наречии (Тепляшина 1970б : 79—81, 165;

1975 : 564, 565), отчасти происходит и в южноудмуртских диалектах (Жельмаков 1977 : 38—39; Архипов 1981 : 7; Загуляева 1981 : 127). Аналогичные случаи смягчения согласных встречаются и в некоторых тюркских языках.

Что касается развития данного процесса в среднечепецком диалекте, то его, по-видимому, следует объяснить влиянием бесермянского диалекта и соседних татарских говоров.

1.4. Влияние языка бесермян ощущается в северном наречии и на лексическом уровне. В северноудмуртских диалектах, в частности среднечепецком, широко функционируют отдельные слова болгарского (или т.н. чувашского) происхождения, которые в большинстве удмуртских диалектов отсутствуют. Приведем некоторые лексемы: *a'ta ~ aka* 'старшая сестра; тетя' (ср. чув. *акка* 'старшая сестра; тетя'), *akaška ~ akajaška ~ akaja-ška* 'праздник, проводимый перед началом весеннего сева' (ср. чув. *акаяшки* 'празднество по случаю окончания весеннего сева'), *kal'* 'теперь, сейчас, ныне' (ср. чув. *халĕ, халь* 'теперь, сейчас, в настоящее время'), *u'sse* 'послезавтра' (ср. чув. *виçмине* 'послезавтра'). Примеры: Деб. *a k a j a š k a z ě k p r a : ž n i k e n l ě d d ' a š k e v a l , j u n t r o s k a l ě k l ' u k a š k e v a l s o k u* 'а к а я ш к а за большой праздник почитался, очень много народа собиралось тогда'; Пыш. *d'evetsot tre-t'ĕm godu mĕnam a k e e š š o d'erevja-nnoj čerķĕn pĕrtemĕn val* 'в 1903 году моя старшая сестра еще в деревянной церкви была крещена'.

Сохранению в языке северных удмуртов подобных слов, возможно, даже проникновению некоторых из них, мог способствовать в определенной степени бесермянский язык, в котором эти лексемы широко употребляются.

2. Как уже отмечено, язык бесермян в своем грамматическом строе, фонетической системе и лексическом составе со специфическими бесермянскими чертами сочетает элементы северноудмуртских и южноудмуртских особенностей. Северноудмуртские черты в бесермянском языке прежде всего обнаруживаются в морфологии. Отметим некоторые из них.

2.1. Показателем аккузатива множественного числа в языке бесермян выступает формант *-tĕ/-dĕ*: Еж. *mil'enĕm varaški-zĕ k u ĩ a ĩ ĩ o s t ĕ tunne vil'gide potto-zĕ šusa* (Тепляшина 1970б : 186) 'с нами говорили о том, что т е л я т сегодня переведут в новый телятник'; *mi l' e m e s t ĕ n o j a b r s k o j e k o ũ d o n e n p r e m i r o v a t ' k a r i z ĕ* (Тепляшина 1970б : 185) 'в ноябрьские праздники н а с премировали деньгами'. В южноудмуртских говорах этому показателю соответствует показатель *-ĭz*, в северноудмуртских диалектах — *-tĕ/-dĕ*. В языке бесермян подобная маркировка выработалась, по-видимому, под влиянием соседних северноудмуртских говоров.

2.2. В языке бесермян отмечается наличие вторичных падежей — приблизительноместных, характеризующихся элементом *-ń-* в падежном показателе. Примеры: *pińal'losńe* (Тепляшина 1970б : 169) 'к детям'; Турч. *ulśa vĕlĕn ud kelĕ, pĕr m i ĩ ĩ a m* (Тепляшина 1970б : 272) 'на улице не будешь ночевать, заходи к н а м'.

Функционирование серии приблизительноместных падежей имеет место, главным образом, в северноудмуртских диалектах, но не во всех: эти падежи характерны для нижнечепецких (Тепляшина 1970а : 167; 1981 : 285—287) и среднечепецких говоров (Карпова 1997 : 85—89). В верхнечепецких говорах, по данным А. А. Алашеевой (1992 : 16, 18), аналогичные падежные формы отсутствуют. Заметим, что в большинстве удмуртских диалектов приблизительноместным падежам чаще всего соответствуют послеложные конструкции имени в номинативе с послелогами, образованными от основ *dor-* и *diń-* 'у, около, возле, при'.

Рассматриваемая грамматическая особенность бесермянами заимствована, по всей вероятности, из соседних североудмуртских диалектов.

2.3. Показателями элатива и эгрессива в языке бесермян, как в причепецких североудмуртских говорах, выступают форманты *-äs* и *-äsen*. Примеры: Турч. *Vu k o g u r t ä š e n Täläse košketän bešermaniños* (Тепляшина 1970б : 172) 'из Татарских Ключей бесермяне выехали в Тылыс'; БЮн. *b a k - ċ a ä š kopam musuganez korka pät'tano* (Тепляшина 1970б : 256) 'выкопанную картошку с огорода надо натаскать в избу'. В южноудмуртских же говорах элатив и эгрессив оформляются показателями *-is* и *-isen*. *i*-овая огласовка показателей этих падежей первична, она сохранилась без изменения в северных диалектах и отдельных срединных говорах. Данная особенность североудмуртских диалектов, по-видимому, перешла и в язык бесермян.

2.4. В языке бесермян для выражения цели, причины, мотива действия, наряду с формой датива с показателем *-lā* используется сочетание существительного или другого имени с послелогом *punna* 'за, для, ради': Шам. *t r a v a p u n n a so vel'tiz Jukamenskoje* (Тепляшина 1970б : 270) 'она ездила в Юкамен за лекарствами'; БЮн. *Palban tašjae ta gi bi punna vel'ti mon* (Тепляшина 1970б : 255) 'в лес [по названию] Палбан ходил я за этими грибами'. В южноудмуртских диалектах для выражения цели, причины, мотива действия используется форма датива на *-li*, употребление ее в данных значениях развилось здесь, как отмечает И. В. Тараканов (1990 : 180), под влиянием татарского языка. В североудмуртских диалектах аналогичные значения, как правило, выражаются аналитической конструкцией имени в номинативе с послелогом *ponna*. Употребление в языке бесермян подобных конструкций в указанных значениях было поддержано, как мы полагаем, наличием этих форм в соседних североудмуртских диалектах.

Таким образом, как показывает вышеизложенный материал, в языке бесермян и удмуртов, проживающих в среднечепецком ареале, обнаруживаются отдельные факты взаимодействия, относящиеся к различным уровням языка. Дальнейшее изучение данного ареала представляет научный интерес для исследования процессов взаимодействия и других языков, в частности, татарского и удмуртского, в условиях территориального смещения.

Сокращения

юк. — юкаменский говор среднечепецкого диалекта удмуртского языка; **яр.** — ярский говор среднечепецкого диалекта удмуртского языка.

Названия населенных пунктов: **Бач.** — Бачумово; **БЮн.** — Большая Юнда; **ВУн.** — Верхние Уни; **Деб.** — Дебы; **Еж.** — Ежево; **Зол.** — Золотари; **Кож.** — Кожиль; **Куз.** — Кузьмино; **Нел.** — Ново-Елово; **Оз.** — Озерки; **Пыш.** — Пышкет; **Тук.** — Тукташ; **Турч.** — Турчино; **Ук.** — Укан; **Шам.** — Шамардан.

ЛИТЕРАТУРА

- А л а ш е е в а А. А. 1990, Общие (североудмуртские) и частные (местные) особенности в фонетике верхнечепецкого говора удмуртского языка. — Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов II, Москва, 8—10.
- 1992, Пространственные падежи североудмуртского наречия (На материале верхнечепецкого говора). — Пермистика. Диалекты и история пермских языков, Сыктывкар, 16—19.
- А р х и п о в Г. А. 1981, Среднеюринский говор I. — Материалы по удмуртской диалектологии, Ижевск, 5—44.

- Атаманов М. Г. 1981, Граховские говоры южноудмуртского наречия. — Материалы по удмуртской диалектологии, Ижевск, 45—96.
- Атаманов М. Г., Владыкин В. Е. 1993, Субэтнические объединения удмуртов. — Удмурты: историко-этнографические очерки, Ижевск, 28—35.
- Белицер В. Н. 1951, Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу, Москва.
- Вахрушев В. М., 1959, Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка. — ЗУдмНИИ 19, 228—241.
- Владыкин В. Е. 1970, К вопросу об этнических группах удмуртов. — Советская этнография 3, 37—47.
- Загуляева Б. Ш. 1981, Говоры дд. Муважи и Чумали. — Материалы по удмуртской диалектологии, Ижевск, 126—136.
- Карпова Л. Л. 1997, Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка, Тарту (Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis 2).
- Кельмаков В. К. 1969, Кукморский диалект удмуртского языка. Канд. дисс., Москва (Рукопись).
- 1970, Кукморский диалект удмуртского языка. Автореф. канд. дисс., Москва.
- 1974а, Фонема *э* в татышлинском диалекте удмуртского языка. — СФУ X, 101—106.
- 1974б, Удмуртско-тюркские языковые контакты и некоторые фонетические особенности периферийно-южного наречия удмуртского языка. — Советская тюркология 3, 52—60.
- 1975а, Развитие фонетической системы языка в условиях иноязычного окружения (Татарское влияние на удмуртские диалекты). — СIFU III, 547—549.
- 1975б, Рефлексы праудмуртских среднерядных гласных верхнего подъема в современных диалектах. — СФУ XI, 96—104.
- 1977, Краткая характеристика кыркмасских говоров южноудмуртского наречия I. Вопросы удмуртской диалектологии, Ижевск, 26—61.
- 1978, К вопросу о «двух о» в праудмуртском языке. — СФУ XIV, 20—40.
- 1985, К вопросу о болгарском субстрате в языке бесермян. — Вопросы диалектологии тюркских языков, Уфа, 114—122.
- 1987, Язык бесермян в системе удмуртских диалектов. — XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Тезисы докладов I, Устинов, 113—115.
- 1992а, К описательной и исторической фонетике бесермянского наречия. — Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах. Удмурт вераськетьёс I, Ижевск, 33—107.
- 1992б, О взаимосвязях фонем *ы* и *и* в удмуртских диалектах. — Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах. Удмурт вераськетьёс I, Ижевск, 158—168.
- 1993, Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов, Ижевск.
- Корепанов Д. И. 1931, Бесермяне. — На удмуртские темы 2, Москва, 99—106.
- Луппов П. Н. 1931, Северные удмурты в 16—17 веках (Очерк из истории колонизации бассейна р. Чепцы). — На удмуртские темы 2, Москва, 112—144.
- Лыткин В. И. 1968, Лабializedованные гласные среднего ряда в пермских языках. — ВЯ 1, 85—89.
- Насибуллин Р. Ш. 1972, Закамские говоры удмуртского языка. Канд. дисс., Москва (Рукопись).
- 1978, Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов. — О диалектах и говорах южноудмуртского наречия, Ижевск, 86—151.
- Спицын А. А. 1888, К истории вятских инородцев. — Календарь Вятской губернии на 1889 год, Вятка, 207—232.
- Тараканов И. В. 1958, Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных). Канд. дисс., Тарту (Рукопись).
- 1960, Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке. На материале бавлинского диалекта. — ККИУ V, 117—153.
- 1990, Основное направление развития морфологической системы пермских языков. — Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов II, Москва, 180—182.
- Тепляшина Т. И. 1961, Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка. — ТМарНИИ 15, 125—139.
- 1970а, Нижне-чепецкие говоры северно-удмуртского наречия. — ЗУдмНИИ 21, 156—196.
- 1970б, Язык бесермян, Москва.

- 1975. Древнебулгарские субстратные явления в языке бесермян. — CIFU III, 562—567.
— 1981. О новых удмуртских падежах. — CIFU V, Pars VI, 285—292.

LJUDMILA KARPOVA (Tartu)

DIE BESSERMÄNISCH-UDMURTISCHE GEGENSEITIGE BEEINFLUSSUNG (ANHAND VON BELEGMATERIAL AUS DEM DIALEKTGEBIET AN DER MITTLEREN ČEPČA)

Im Dialekt an der mittleren Čepča läßt sich bessermänischer Einfluß an folgenden phonetischen Erscheinungen ablesen: 1) Wandel von *j* zu *ä*, 2) wortauslautende stimmlose Konsonanten werden stimmhaft, 3) Palatalisierung von *t* vor *i*. Bessermänischen Einfluß gibt es auch im Wortschatz an der mittleren Čepča.

In der bessermänischen Morphologie können einige nordudmurtische Eigenschaften beobachtet werden: 1) Akkusativ Plural auf *-tš/-dš*, 2) Lokalkasus auf *ń*, 3) Elativendung *-šs* und Egressivendung *-šsen*, 4) Gebrauch der Verbindung von Nomen und Postposition *punna* 'für'.